

Д.М.Климова

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ИЗМАЙЛОВ В МОЕЙ ЖИЗНИ

С течением времени всё старое превращается в старинное, случайные записки — в незаменимые свидетельства, полузабытые эпизоды — в незабываемые события. Сегодня, когда мне только что исполнилось 70 лет, я обнаружила в домашнем архиве небольшую открытку сорокалетней давности, связанную с 70-летием Н.В. Измайлова. Письмецо это, очень дорогое для меня, не содержит каких-либо важных фактов, но приоткрывает светлый душевный мир этого человека, на вид немного чопорного, что называется, застегнутого на все пуговицы.

Впервые я встретила с Николаем Васильевичем Измайловым в 1958 году, когда, окончив филфак ЛГУ, определилась на работу в Пушкинский Дом, в его святая святых — Рукописный отдел. Измайлов только что стал заведующим РО после трагической гибели Б.В. Томашевского. Было ему тогда 65 лет, для мужчины еще не старость, хотя молодежи он, как водится, казался человеком преклонного возраста. Но каким привлекательным был весь его облик! Высокий и статный, с прекрасными, немного старомодными манерами и изящным парижским грассированием — во всем угадывалась порода. Судя по фотографиям, он принадлежал к тому типу людей, которые с годами становятся красивее. А его безукоризненная вежливость даже слегка обескураживала: еще бы, ведь сам заведующий неизменно вставал, когда начинающая сотрудница входила в его кабинет.

День в Рукописном отделе начинался по заведенному издавна порядку. Перевесив в вестибюле свои жестяные номер-

ки с одной доски на другую (так под бдительным оком зав. канцелярией учитывалось присутствие и своевременный приход на работу), сотрудницы собирались в узеньком кабинете Марфы Ивановны Маловой. Совершенно не помню официального названия ее должности, но душой Отдела и хранительницей традиций она была всегда. Полчаса обсуждались домашние события прошедшего дня — школьные отметки детей, служебные проблемы мужей, качество пирогов и театральные премьер. Мужчины — П.П. Ширмаков, В.И. Малышев — заглядывали в этот кружок «ученых дамочек» (выражение Малышева) только поздороваться. Затем все отправлялись в рабочую комнату, где вскоре появлялся ученый хранитель Лев Михайлович Добровольский, подходил к каждому отдельно, церемонно здоровался и обсуждал текущие дела.

Николай Васильевич начинал свой день «наверху» — заходил в дирекцию, сектор пушкиноведения, тургеневскую группу, затем спускался к нам и, отдав общий поклон, удалялся в свой кабинет. Исторический кабинет заведующего Рукописным отделом, уничтоженный в начале нынешнего века, заслуживает совершенно отдельного описания. Его, как и знаменитую комнату-сейф в хранилище, следовало бы музеефицировать. Обставленный старинной мебелью красного дерева, с подлинной пушкинской библиотекой, занимавшей стену позади большого письменного стола, кабинет по стилю был, если можно так выразиться, очень к лицу Николаю Васильевичу. Архивисты приглашались туда для бесед один на один по частным вопросам и все вместе — на совещания. Там же проводилась демонстрация рукописей посетителям. Заведующий изредка принимал в этом участие, но чаще уходил по своим делам, возможно, из деликатности, чтобы не смущать экскурсовода. Во всяком случае, мой собственный дебют в этом качестве прошел благополучно и даже успешно в отсутствие Николая Васильевича, при нем же я, конечно, и слова бы не выговорила. Кстати, решение ввести новую фигуру в узкий и почетный круг маститых экскурсоводов (его возглавляла рассудительная и аккуратная до педантизма Б.Н. Капелюш) было принято, очевидно, на совете триумvirата — Измайлов, Добровольский, Малова, — которым завершался ежеутренний ритуал рукописников. Здесь подводились итоги, утверждались планы, вершились судьбы в масштабах Отдела.

Надо сказать, Николаю Васильевичу как администратору досталась задача не из легких. Например, в то время было

принято ссылать в РО сотрудников творческих секторов (не обязательно в виде наказания, а по разным, только дирекции ведомым, причинам). В основном это были люди со сложившимися творческими интересами, а подчас, будем откровенны, и без каких-либо интересов. Молодым перспективным кадром оказалась в то время я одна, и вскоре заведующий мягко и ненавязчиво, твердой рукой в бархатной перчатке стал направлять меня на путь истинный. Для начала мне было разрешено и даже рекомендовано посещать институтские научные заседания независимо от их тематики. Затем поручено сделать два сообщения по материалам Рукописного отдела. На тексте доклада «Рукописи И.А. Гончарова в Пушкинском Доме» (1962 г.) сохранились небольшие поправки почерком Николая Васильевича. Получила я и несколько заданий по подготовке академического собрания сочинений И.С. Тургенева и тогда снова испытала на себе внимательность и чуткость руководителя издания. Однажды он пригласил меня в кабинет, с некоторой торжественностью вписал в именной указатель: «Д.М. Климова — советский литературовед», — и поздравил с первым печатным упоминанием имени.

Затем последовало лестное предложение перейти на постоянную работу в Тургеневскую группу, но, ко всеобщему изумлению, я отказалась. Рукописный отдел стал к тому времени родным, да и зав. Тургеневской группой Людмила Николаевна Назарова, в отличие от Николая Васильевича, была человеком импульсивным и вспыльчивым. Мне всё время казалось, что она мною недовольна, и это совершенно лишало веры в себя.¹

Однако участие в тургеневском издании продолжалось. Совместно со мной Н.В. Измайлов подготовил письма к Полине Виардо и оказал совершенно незаменимую и безотказную помощь, когда в спешном порядке готовились незадолго до того открытые «Мемориал» и дневник Тургенева.²

Доводилось слышать, что Николай Васильевич бывает излишне осторожным в суждениях и поступках. Думаю, причиной тому была отчасти его врожденная интеллигентная сдержанность, а отчасти перенесенные в недавнем прошлом тяжкие испытания, о чем было известно тогда немногим. Гораздо позднее я узнала о репрессиях по «академическому делу» и о том, что на протяжении без малого десятка лет нашей совместной работы он, оказывается, еще не был реабилитирован и даже некоторое время приезжал в институт с рокового 101-го километра — расстояния изгоев.³

Однако у меня сохранилось разрешение на публикацию нескольких писем Ромена Роллана к И.С. Ремезову:⁴ «Считаю очень желательным напечатать в журнале «Русская литература» или в ином органе, при условии тщательной проверки, — не появлялись ли уже эти документы в печати. Н. Измайлов. 13.X.66».

А ведь среди «этих документов» было письмо от 21 октября 1930 года с выражением крайнего возмущения политическими репрессиями в СССР. Недаром П.Р. Заборов, любезно просмотревший мой перевод с французского, предрек провал нашей затеи — ни «Русская литература», ни «иной орган» печатать это тогда не пожелали.⁵

Еще до этого, в самом начале 60-х годов, во время первой политической оттепели, начали появляться в институте легендарные личности. В рабочей комнате материализовался не кто иной, как сам Серж Лифарь. Н.В. Кодрянская привезла архивные материалы Алексея Ремизова (я тут же получила от Марфы Ивановны распоряжение разбирать архив, а от Натальи Владимировны — парижскую диковинку: деревянные бусы).

Более всего вспоминается важное для пушкинистов событие — приезд в 1960 и 1961 годах семьи потомков Пушкина Воронцовых-Вельяминовых: Георгия Михайловича, его жены Тамары Васильевны и дочери Ани. Принимали это замечательное семейство со всем возможным радушием и пиететом. Конечно, показали автографы их знаменитого предка, провели по пушкинским местам, тщательно выбрали в подарок палехскую шкатулку. Но никто, совсем никто не решился пригласить их к себе домой. Причины были примерно одинаковые. Совершенно невозможные жилищные условия у большинства, включая и Николая Васильевича (квартиру он получил только в 1963 году, о чем говорится в приведенном ниже письме). У одной из сотрудниц отдельная квартира, но муж работает в закрытом учреждении «с допуском», и допуск этот может рухнуть из-за визита иностранцев. Другая — пережила репрессии и тоже опасается неприятностей. Так и уехали потомки Пушкина, не испытав полного гостеприимства на исторической родине.⁶

Совершенно иначе принимали они через два года моего мужа, который нанес им визит в Париже с рекомендательным письмом Н.В. Измайлова. После этого наша семья некоторое время переписывалась с Воронцовыми, но, к сожалению, не со-

хранились те письма, в которых упоминался Николай Васильевич с неизменным уважением.

Жизнь развела меня с одним из первых и любимых учителей и наставников. Даже проводить его в последний путь не пришлось — была в отъезде. Уже гораздо позднее с приятным удивлением обнаружила, что в молодости прошла кое-где по его стопам с разницей в 40 лет: окончание почти одной и той же школы (он — Тенишевского училища, я — средней школы в том же здании), поступление на славянское отделение Университета и завершение курса по русистике, начало трудового пути в Рукописном отделе Пушкинского Дома. И так же, как он, могу сказать: тогда «совершилось одно из важнейших событий в моей жизни».

... Я сижу за столом, передо мной чайная чашка из сервиза, поднесенного заведующим Н.В. Измайловым от имени сотрудников Рукописного отдела Пушкинского Дома ко дню моей свадьбы много-много лет назад. Перечитываю открытку, полученную от него в больнице, — красноречивое свидетельство теплоты и сердечности этого замечательного человека. И сейчас, когда мне самой 70, я хотела бы получить от кого-нибудь такое же светлое письмо.

Сентябрь 2003 г.

«23. XII. 1963.

Дорогая Диночка.

Вы очень, очень обрадовали и тронули меня письмом, в котором написали столько хороших и ласковых слов и пожеланий. Я тоже очень хотел бы и поблагодарить Вас за них лично, и попросить прощения за то, что в суете нашей жизни так мало и плохо пишу Вам, и лично поздравить Вас с Новым годом, пожелав Вам как можно скорее поправиться и, если не 8 марта, то к 1 мая танцевать (и со мною!) вальс на вечере в Пушкинском Доме. (...)

Не скушайте, читайте побольше. Если Вам надо каких-нибудь книг — сообщите, и мы Вам пошлем. — У нас новая квартира, хоть и не «великолепная» (как Вы пишете), но уютная, и мы будем очень рады видеть Вас у нас. Еще раз — спасибо за письмо, за пожелания, они так хорошо высказаны, что не могут не исполниться.

Шлю Вам большой привет и Наталья Александровна тоже. Поправляйтесь и возвращайтесь скорее к нам.

Ваш Н. Измайлов».

На обороте открытки изображен дряхлый буддийский святой с тигром. Надпись Николая Васильевича:

«Это — портрет 70-летнего юбиляра, а кто тигр — придумайте сами».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Должна признаться, в Людмиле Николаевне я тогда ошиблась. Впоследствии жизнь свела нас ближе, мы поочередно редактировали друг друга и по сей день остаемся друзьями.

² См.: *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 2, 5, 9. М.; Л., 1961, 1963, 1965; Сочинения. Т. 15. М.; Л., 1968.

³ См. об этом: *Назарова Л.Н.* Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004 (готовится к печати); *Прозорова Н.А.* Вступительная статья к публикации: *Измайлов Н.В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1998—1999.

⁴ *Илларион Семенович Ремезов* (1884—1940) — писатель и общественный деятель, возвратился из эмиграции в 1958 г., передал в Пушкинский Дом свой архив.

⁵ Письмо Р.Роллана опубликовано уже в наше время — см.: Русская литература. 1990. №2. С.235—239 (публикация Д.В. Базановой).

⁶ Если кто-то всё же и пригласил к себе дорогих гостей, то остальным это не было известно. Впоследствии Воронцовы-Вельяминовы неоднократно бывали в России. (См. об этом: *Русаков В.М.* Рассказы о потомках А.С. Пушкина. Л., 1992. С. 327—345).

**ПУШКИНИСТ
Н.В. ИЗМАЙЛОВ**

**В Петербурге
и Оренбурге**

«ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ»

КАЛУГА

2008